

ПРЕДИСЛОВИЕ

М. М. Бахтина я встречал в частных домах на собраниях интеллигенции, которые тогда процветали в общественной жизни Петербурга-Ленинграда в двадцатых годах. В частности, я встречал его и в кружке «Хельфернак» Ивана Михайловича Андреевского. Он плохо запомнился мне внешне, может быть, потому, что был совсем не похож на фотографии последующих лет. Выступал он редко, обычно не спорил — просто высказывал свою точку зрения и замолкал. Когда начались аресты «кружковцев», одна мысль запомнилась мне своею необычностью: время полифонической культуры прошло, наступила монологичность, ассоциировавшаяся в его представлениях со злым началом.

Не знаю — насколько созрели в нем мысли о карнавальном начале, но мы, студенты, провозгласили тогда принцип «веселой науки» — науки озорной, парадоксальной, облеченной в шутливые формы. Тогда была организована нами, восемью студентами различных высших учебных заведений, «Космическая Академия Наук».¹

С тех пор интерес к карнавальному и смеховому началу в культуре не покидал меня.

Впервые моя работа «Древнерусский смех» увидела свет четверть века назад в сборнике, посвященном М. М. Бахтину, «Проблемы поэтики и истории литературы», Саранск, 1973 (стр. 73—90). Впоследствии к изучению древнерусского смеха примкнул А. М. Панченко, написавший интересную работу «Смех как зрелище», опубликованную совместно с моей под одним переплетом в книге: Д. С. Лихачев и А. М. Панченко «Смеховой мир древней Руси», Л., 1976, а еще позднее — Н. В. Понырко, создавшую исследование «Святочный и масленичный смех», а также опубликовавшую ряд основных древнерусских смеховых произведений в книге Д. С. Лихачев, А. М. Панченко и Н. В. Понырко «Смех в древней Руси», Л., 1984.

---

¹ О ней подробнее: Д. С. Лихачев. «Воспоминания», СПб., 1995, стр. 136—140.